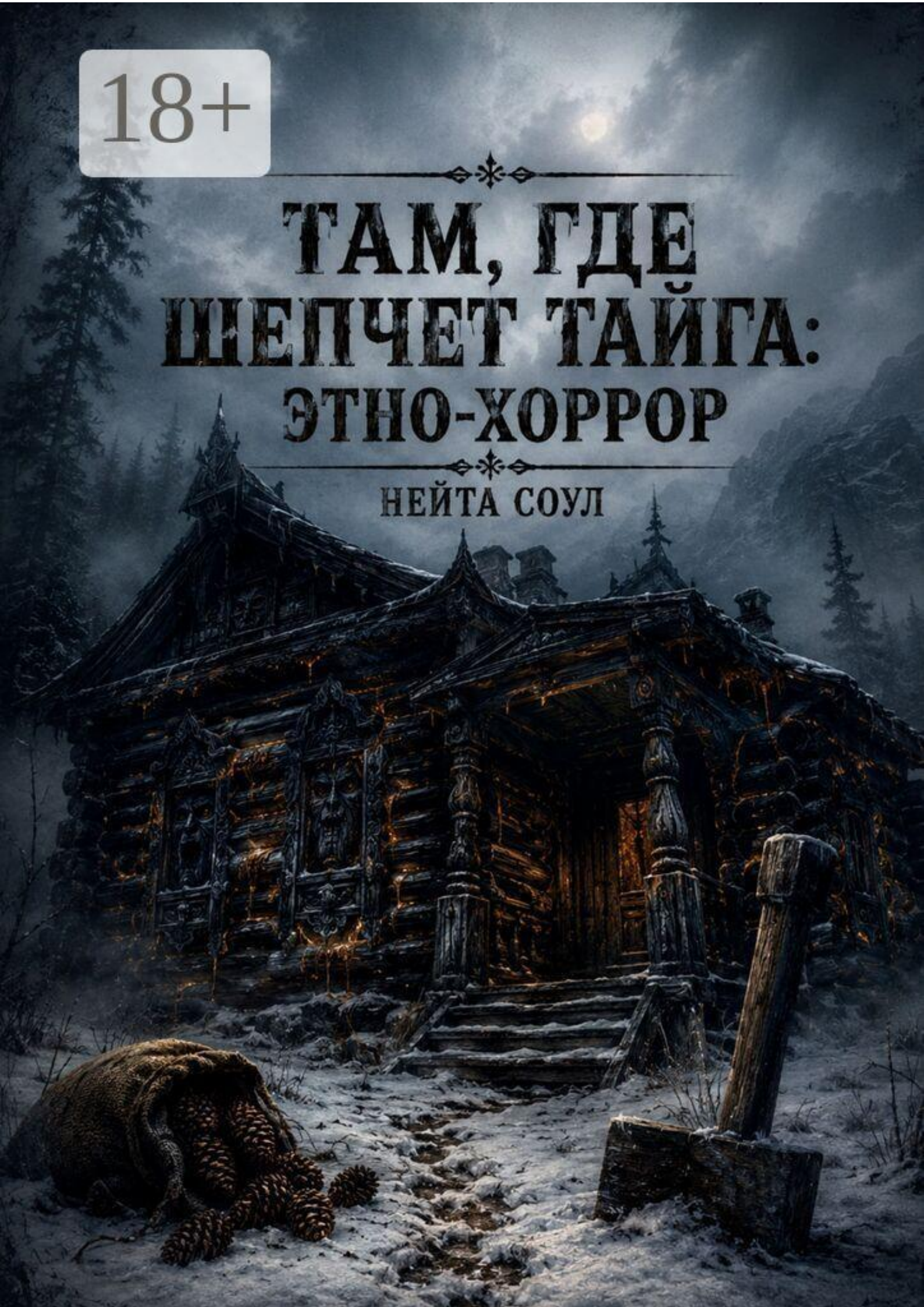

18+

ТАМ, ГДЕ ШЕПЧЕТ ТАЙГА: ЭТНО-ХОРРОР

НЕЙТА СОУЛ

Нейта Соул

**Там, где шепчет
тайга: этно-хоррор**

«Издательские решения»

Соул Н.

Там, где шепчет тайга: этно-хоррор / Н. Соул — «Издательские решения»,

«Этно-хоррор о Забайкалье, где сама земля хранит страшные тайны. Дома плачут янтарной сукровицей, тайга питается памятью о страданиях, а древние поверья становятся орудием ужаса. Эти истории о том, как тонкая грань между мирами способна рухнуть от одного неверного шага. Погрузитесь в леденящую душу атмосферу края, где кошмар рождается из родных пейзажей и старинных легенд».

© Соул Н.

© Издательские решения

Содержание

Добро пожаловать в мой мир!	6
Плачущий дом	7
Падь Кандальная	13
Два Саши	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Там, где шепчет тайга: этно-хоррор

Нейта Соул

© Нейта Соул, 2026

ISBN 978-5-0071-0721-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добро пожаловать в мой мир!

Говорят, у каждого края есть своя душа.

Душа моего Забайкалья говорит со мной свистом ледяного хиуса, шорохом ветвей в глухой пади и полыхает на сопках весенним багульником.

Именно здесь, в суровом укладе жизни и вековых тайнах родных мест, я черпаю вдохновение.

Я пишу в двух, казалось бы, разных жанрах. Создаю уютные, детские сказки и мрачный этно-хоррор. Здесь, за высокими заборами старых деревень, они неразделимы. Забайкалье — это край с густой, совершенно особой атмосферой, где граница между добрым чудом и первобытным страхом истончается до предела. Шагнешь не туда — и становится ооочень жутко.

Приглашаю вас шагнуть за грань реальности. Обещаю, будет сказочно... и местами до мурашек страшно.

Плачущий дом

В декабре Чита перестает быть живой, превращаясь в ледяную ловушку, намертво застрявшую в отметке минус тридцать пять. В это время частный сектор и трубы местной ТЭЦ бесперебойно изрыгают в стылое, безветренное небо тонны угольного дыма, затягивая низину между сопками непроницаемым куполом желтовато-серого смога.

Под этим куполом нет места свежему воздуху, вокруг только плотный, колючий запах горелой сажи, въедающийся в поры. Эта вонь оседает на волосах и тяжелым осадком укладывается на самое дно твоих легких. Солнце сквозь эту пелену воспринимается мутным, больным бельмом.

Илья стоял у заиндевевшего окна своей съемной комнаты и смотрел на улицу Анохина, в царское время носившую название Зазейской. Прямо под окном, почти вровень с промерзшим асфальтом, скалились в сумерках деревянные наличники. За сотню лет тяжелый купеческий особняк из лиственницы врос в землю, словно пытался укрыться в ней, спрятать что-то в своих почерневших стенах.

Наличники на окнах были покрыты резными узорами, издали казавшимися витиеватым цветочным орнаментом, но стоило Илье присмотреться, как в хитросплетениях дерева ему начали казаться искаженные в беззвучном крике человеческие лица.

Илья был аспирантом-историком, исследующим методы дознания в контрразведке белого движения. Тема была специфичной и требовала плотной работы с подлинниками в краевом забайкальском архиве.

Гранта, выделенного на изучение архивов белогвардейской контрразведки, едва хватило на билеты из Москвы и аренду этой копеечной комнатухи.

Хозяйка комнаты, высохшая до состояния мумии старушка Зинаида Марковна, почему-то обитала в пристройке к самому дому. Она казалась полностью равнодушной к жильцу, но Илью насторожил ее старый пузатый телевизор, всегда орущий на предельной громкости. Бабка никогда не выключала его на ночь, словно боялась того момента, когда в доме воцарится тишина.

Внутри комнаты царил советский коммунальный ад, наспех зашитый листами синего ДВП и оклеенный выцветшими блеклыми обоями в цветочек.

Чугунные батареи жарили нещадно, пересушенный воздух царапал горло, но от самих бревенчатых стен, от скрипучих разошедшихся половиц тянуло замогильным холодом, не похожим на сквозняк. Это был плотный, тяжелый холод земли, от которого стыла кровь в жилах, а в голову лезли мысли о глубоких сырых траншеях.

В первую ночь Илья так и не смог уснуть. Он лежал на старой кровати с жесткой панцирной сеткой, глядя в потолок, когда густую, ватную тишину комнаты прорезал звук, доносившийся прямо из-за изголовья кровати, придвинутой вплотную к стене. Звук шел изнутри самого бревна, из сердцевины векового дерева.

Это был плач. Но не такой, каким плачет соседский ребенок или причитает обиженная женщина. Глухой, тягучий, изматывающий стон, словно кто-то растягивал ноты человеческого страдания, как зажеванную пленку на старом магнитофоне.

Илья замер, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом, а сердце тяжелыми ударами бьется о ребра. Рациональный мозг ученого отчаянно искал объяснения: гудит водопровод, ветер попал в пустоты между бревнами, плачет ребенок за стеной.

Но ветер не дышит, а Илья готов был поклясться, что стена вибрирует в такт этим всхлипам.

— Эй? — шепотом позвал Илья, не узнав собственного сдавленного голоса.

В ответ стена едва уловимо дрогнула. Плач не стих, он обрел пугающий объем, наполнившись влажными, хлюпающими нотами, будто невидимый источник звука захлебывался собственной слюной.

Илья медленно, стараясь не шуметь, отсел на край кровати. Воздух вокруг него внезапно стал тяжелым, электрическим. На периферии зрения, там, куда не доставал тусклый свет уличного фонаря, тени начали сгущаться, принимая ломаные, неестественные формы.

Он просидел так до самого рассвета, обхватив плечи руками, не в силах оторвать взгляд от стены, которая, как ему казалось в полубреду, едва заметно пульсировала в такт этому страшному всхлипыванию.

Утром, когда мутный зимний свет немного рассеял ночные тени, Илья почувствовал стыд за свой страх. Списав всё на акклиматизацию и усталость с дороги, он подошел к стене, намереваясь найти щель или мышиную нору.

Но вместо этого его взгляд наткнулся на нечто иное. На уровне груди бумажные обои вздулись отвратительными волдырями. Вчера их там не было. Сквозь блеклые советские цветы проступала влага, образуя грязные, желтоватые разводы, похожие на контуры какого-то уродливого материка.

Илья машинально протянул руку и коснулся пятна. Его пальцы погрузились во что-то густое и вязкое. Судорожно отдернув руку, он посмотрел на пальцы, к ним прилипла темная, почти черная в полумраке слизь, напоминающая древесную смолу или старый, запекшийся янтарь.

Он поднес руку к лицу, ожидая почувствовать запах плесени или гнилого дерева, но в нос ударил резкий металлический запах озона, так пахнет раскаленный воздух в эпицентре грозы. А секундой позже раскрылся второй слой: тошнотворно-сладковатый, липкий аромат медных монет и разлагающегося мяса. Запах бойни.

Дом не протекал, он истекал слезами или чем-то похожим на сукровицу.

Илья судорожно вытер пальцы о джинсы, чувствуя, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с забайкальскими морозами. Внутри липкой смолы, оставшейся на обоях, что-то едва заметно пульсировало, ловя отблески тусклого света из окна.

Отшатнувшись от стены, Илья почувствовал острый приступ тошноты. Ему нужно было уйти, выбежать на мороз, снять номер в гостинице, плевать на бюджет.

Но стоило ему сделать шаг к двери, как в голове возник странный, тягучий туман, мысли стали вязкими, запах озона проник в самую кровь, действуя как успокоительное.

«Сначала работа, — монотонно пронеслось в голове, словно кто-то другой вложил эту мысль ему в разум. — Архив. Нужно найти информацию о доме. Просто узнать, кто здесь жил».

Он выскочил в коридор, на ходу натягивая куртку. Дверь пристройки приоткрылась, и в щель просунулось иссохшее лицо Зинаиды Марковны.

— Вы уходите, Илья Сергеевич? — скрипучий голос едва различался из-за ревающего за спиной телевизора. Выцветшие глаза старухи безотрывно смотрели на грязные пальцы Ильи. — Мне запереть надо. Снаружи запереть.

Она мелко, судорожно перекрестилась, глядя не на жильца, а куда-то сквозь него, в темноту комнаты.

— Да, — крикнул Илья. — Да, я в архив.

Он быстро оделся, стараясь не смотреть на стену. Ему нужно было работать, нужно было погрузиться в пыльные папки и машинописные тексты 1919 года, чтобы забыть об этом дурацком пятне. Он еще не знал, что именно в архиве найдет ответ на вопрос, почему этот дом плачет.

Мужчина выскочил на улицу, мороз ударил наотмашь, обжигая легкие стеклянными иглами, но Илья был ему благодарен. Холод выветривал из головы дурман озоновой гнили.

Дорога от дома заняла всего двадцать минут, но для непривычного человека прогулка в минус тридцать семь — это физическая боль. Мороз обжигал легкие, превращая дыхание в стеклянные иглы.

В читальном зале Государственного архива пахло пылью, ванилью старой бумаги и спокойствием. Обыденная реальность. Но он был ей рад.

Теперь, сидя за скрипучим столом в читальном зале, Илья чувствовал, как оттаивают пальцы, покалывая горячими иглками. Он растер лицо, пытаясь прогнать из памяти липкое, пульсирующее пятно на обоях, и придвинул к себе стопку папок фонда Р-154.

Будучи историком, Илья привык к бюрократии смерти. Он читал расстрельные списки, сухие рапорты о повешенных партизанах, отчеты о «вагонах смерти», курсировавших по Транссибу. Это была жестокая, кровавая, но человеческая история. Понятная.

Часа два он монотонно перелистывал хрупкие, пожелтевшие страницы. А затем наткнулся на тонкую папку-скоросшиватель, помеченную грифом: «Особый отдел дознания. Ул. Зазейская, 4».

Его адрес. Тот самый дом с резными наличниками из человеческого крика.

Внутри, вместо официальных бланков, лежали листы, вырванные из амбарной книги, исписанные мелким, дерганным почерком ротмистра Аркадия Зорина. Илья начал читать, и с каждой страницей звуки читального зала, шарканье ног, кашель архивариуса становились всё тише, словно он вновь погружался в вязкую воду.

Сначала записи казались обычным журналом допросов. Но чем глубже Илья вчитывался, тем сильнее становилось чувство смутной, подкатывающей к горлу тошноты. Зорин не допрашивал людей, он их исследовал. Почерк ротмистра, поначалу каллиграфический, с каждой страницей становился всё более рваным, буквы кренились, словно автор писал в состоянии иступления.

«14 ноября 1919 г. Доставлен связной красных. Применили метод расширения суставов. Никакой ценности для штаба он не представляет, но меня интересует не информация. Меня интересует резонанс. Когда угол вывиха плечевого сустава достигает 114 градусов, тональность крика меняется до неузнаваемости. В этот момент пламя свечей в подвале неестественно вытягивается к центру комнаты. Черный бонский трактат, изъятый мной в сожженном дацане, не лжет. Боль — это не просто реакция нервной системы. Боль — это частота. Вибрация, способная истончить Мембрану реальности».

Илья сглотнул вязкую слюну. Бумага под его пальцами казалась неестественно теплой, почти горячей.

«20 ноября. Мы совершенно неправильно понимали архитектуру пространства. Евклид был слепым идиотом. Чтобы Голос из-за Порога был услышан, страдание должно быть геометрически идеальным. Я приказал переоборудовать подвал. Крюки для подвешивания и стоки для крови теперь образуют фрактальную спираль. Вчера мы „настроили“ троих. Когда их агония слилась в единый аккорд на частоте абсолютного ужаса, стена подвала потекла. Из камня выступила янтарная сукровица. Воздух запах медью и грозой. Оно уже смотрит на нас оттуда. Оно голодно. Я слышал Его плач — звук, с которым скрежещут друг о друга измерения».

— Янтарная сукровица... — одними губами прошептал Илья.

Внезапно в архиве погас свет. Заморгали, треща, старые люминесцентные лампы, и в этой пульсирующей полутьме на Илью обрушился запах. Запах грозы и гниющего мяса, который он принес с собой на подушечках пальцев.

Ротмистр Зорин не был обычным садистом. Он был оккультным инженером, использующим человеческие связки и нервы как инструмент для взлома мироздания. И замок, который он пытался открыть, находился прямо под кроватью Ильи.

Дрожащими руками историк перевернул последнюю страницу. Записи Зорина обрывались декабрем 1919-го бессвязным набором символов и многократно обведенной фразой: «Оно требует врат из плоти, и я стану ключом».

Следом шел подшитый рапорт командира Красной Армии, датированный октябрем 1920 года, когда семеновцы бежали из Читы. Рапорт был напечатан на машинке.

«При осмотре подвалов по ул. Зазейской, 4 обнаружено помещение, не поддающееся описанию. Присутствует обильное выделение неизвестной смолы на стенах. Архитектура помещения вызывает оптические искажения. Спустившиеся первыми красноармейцы Голиков и Чуйков сошли с ума, открыли огонь друг по другу, крича о тысячах глаз во тьме. Приказываю: спуст в подвал залить бетоном, опечатать».

Илья захлопнул папку. Звук удара картона показался пушечным выстрелом в тишине архива. Старушка архивариус недовольно посмотрела на него поверх очков.

— Молодой человек, с документами поаккуратнее.

— Извините, — хрипло выдавил Илья. Ему не хватало воздуха.

Бетон. Они просто залили это бетоном. Но ритуал Зорина не был отменен, он был поставлен на столетнюю паузу. И всё это время Сущность, разбуженная идеальной симфонией боли, билась о бетонную мембрану снизу, медленно разъедавая реальность.

Илья вскочил, на ходу бросив папку на стол возврата, и бросился к гардеробу. Нужно было бежать, забрать ноутбук, паспорт — и на вокзал. Куда угодно. В Новосибирск. В Москву. Подальше от этой проклятой мерзлой земли и дома, который кровоточит янтарем.

Он еще не осознавал, что по законам жанра судьба уже вцепилась в него, когда он толкнет тяжелую дверь своей комнаты на Анохина, он не начнет паковать чемоданы, он будет искать люк в полу.

Но когда он вышел на улицу, город исчез. Смог опустился так низко, что соседние здания превратились в неразличимые серые пятна. Пространство искривилось, улицы казались бесконечными, а каждый поворот необъяснимым образом возвращал его к перекрестку Анохина. Дом притягивал его. Мозг был отравлен озоном, воля парализована чужим, подавляющим присутствием.

Когда Илья подошел к своему временному жилищу, ему почудилось, что особняк неуловимо изменился. Темные бревна вековой лиственницы словно разбухли, напитавшись влагой, а окна, глубоко посаженные в резные наличники, смотрели на него со слепым, голодным ожиданием.

Он вошел в сени. Из пристройки Зинаиды Марковны не доносилось ни звука, молчал даже вечно орущий телевизор. Слышалось лишь глухое, низкое гудение старой проводки.

Открыв дверь в свою комнату, он едва не задохнулся. Воздух был обжигающе горячим и плотным, как кисель. Пятно над кроватью изменилось. Обои намокли насквозь, став похожими на содранную полупрозрачную кожу, сквозь которую пульсировала колоссальная, уродливая кровеносная система янтарного цвета. Тяжелые капли смолы с шипением падали на разошедшийся плинтус.

А плач теперь стоял в самой комнате. Это больше не было отдаленным звуком, это был оглушительный, вибрирующий в черепной коробке хруст костей, чавканье плоти и скрежет невидимых когтей о ткань реальности.

Повинуясь непреодолимой, чужой воле, Илья вцепился в края обоев и потянул. Бумага отошла с тошнотворным влажным треском. Под ней, на вековых бревнах лиственницы, были вырезаны символы. Геометрия абсолютного безумия. Углы пересекались так, что при взгляде на них у Ильи из носа потекла кровь, а в глазах потемнело от острой физической боли. Пространство вокруг этих символов рябило, как мираж над асфальтом. Из разрезов в дереве безостановочно сочился янтарь.

Половица под его ботинком пронзительно заскрипела и просела. Илья опустил взгляд. Прямо под кроватью, там, где он спал, из-под облупившейся краски отчетливо проступал контур массивного люка. Кованые гвозди, вбитые красноармейцами сто лет назад, уже наполовину выдавило наружу колоссальным давлением снизу. Из щелей между досками лился болезненный, грязновато-желтый свет, пульсирующий в такт хлюпающему плачу в стенах.

Он понимал, что делает, но тело ему не принадлежало. Илья опустился на колени прямо в липкую лужу сукровицы. Пальцы сами нащупали забытый хозяйкой тяжелый гвоздодер. Скрежет металла о старые гвозди слился с гулом в комнате. Откинув тяжелую крышку люка, Илья ощутил, как в лицо ударил восходящий поток удушливого, гнилостного жара, словно открылась пасть гигантского хищника.

Шаг за шагом он спускался по сгнившим ступеням, покрытым светящейся слизью. Внизу, как и говорилось в рапорте, лежал бетонный щит. Но он был расколот пополам. Из зияющей в центре метровой трещины бил слепящий янтарный свет.

Илья протиснулся сквозь разлом и оказался в подвале Зорина. Его вестибулярный аппарат мгновенно дал сбой — стены здесь сходились под невозможными углами, пол казался одновременно наклонным и плоским, вызывая жесточайшую тошноту. С потолка, образуя заворачивающую, сводящую с ума фрактальную спираль, свисали массивные ржавые крюки.

Но самое страшное находилось в центре.

Там висела Мембрана. Ткань реальности была изодрана в клочья, и сквозь эту пульсирующую пленку Илья увидел Это. Не монстра с клыками и когтями, а колоссальную, занимающую целое измерение массу извивающейся, бесконечно рождающейся и умирающей материи. В ее глубинах вспыхивали галактики немигающих, влажных глаз-жемчужин, раскрывались беззубые пасти, заглатывающие свет. Существо давило на Мембрану своим астрономическим весом, пытаясь протиснуться в ничтожную щель нашего мира.

Как только Илья оказался в подвале, океан глаз замер и сфокусировался на нем. Гул в помещении стих. Вместо него в мозг историка, ломая нейронные связи, ворвался телепатический голос. Он состоял из боли миллионов распятых, замученных существ.

Заклинание должно быть завершено. Существо не хватало ничтожной доли энергии, чтобы разорвать пленку. Ему нужен был последний аккорд. Илья, как единственный живой в этой резонирующей камере, должен был добровольно надеть свою плоть на центральный крюк и подарить Бездне крик идеального, абсолютного отчаяния.

Ноги историка сделали шаг. Руки сами собой потянулись к горлу пуховика, расстегивая молнию. Янтарная слизь капала с крюка прямо ему на лицо. Пальцы послушно легли на ледяной, покрытый вековой ржавчиной металл.

Существо по ту сторону издало оглушительный, предвкушающий стон. Мембрана выгнулась, готовясь лопнуть.

«Тональность крика...» — эта единственная мысль, холодная и ясная, чудом пробилась сквозь гипнотический дурман. Ему нужен мой голос.

Это было не актом героизма, был чисто звериный инстинкт выживания, смешанный с абсолютным ужасом. Собрав в кулак остатки разорванной воли, Илья сделал то единственное, чего Существо не могло просчитать в своей безупречной оккультной геометрии. Он не побежал. Он дернулся всем телом в сторону от крюка и с размаху, плашмя рухнул грудью на торчащий из пола острый, обломанный край бетонной плиты.

Удар пришелся точно в гортань. Влажный хруст собственных хрящей отдался в ушах пушечным выстрелом. Боль была невыносимой, грязной, физиологической — она разорвала гипноз.

Рот раскрылся для крика, но из разорванного горла вырвался лишь влажный, булькающий сип перемешку с фонтаном горячей крови.

Ритм был сломан. Фальшивая нота разрушила столетнее заклинание. Пространство содрогнулось. В телепатическом вое Существа прорезалась непостижимая, космическая ярость обманутого божества.

Мембрана реальности, потеряв точку опоры, с оглушительным схлопыванием втянулась обратно, закрывая разлом. Желтое свечение погасло в долю секунды. Янтарная слизь на стенах мгновенно сгнила, превратившись в черную золу. Лишенный потусторонней поддержки, прогнивший потолок подвала с тяжелым гулом обрушился вниз, хороня под тоннами земли и мертвого дерева ржавые крюки и истекающего кровью человека.

Краевая психиатрическая больница пахла хлоркой, переваренной капустой и абсолютной, стерильной нормальностью. Илья сидел на больничной койке, завернувшись в колючее одеяло, и безотрывно смотрел в зарешеченное окно. Там, снаружи, февральская поземка лениво заметала унылые панельные многоэтажки Читы.

Илья выжил чудом, потому что глуховатая Зинаида Марковна все же услышала грохот обвалившегося пола и вызвала МЧС. Спасатели, сутки извлекавшие его из-под завалов, достали почти труп с раздробленной гортанью и тяжелейшим сотрясением мозга.

Врачи зашили разорванную гортань, но голосовые связки восстановить не удалось. Следователю, допрашивавшему его в реанимации, Илья мелким, дерганным почерком изрисовал три листа безумными фрактальными спиралями. После этого его перевели в закрытое отделение.

Дверь в палату скрипнула. Молоденькая медсестра быстро поставила на тумбочку пластиковый стаканчик с таблетками, стараясь не смотреть на жуткий багровый шрам, пересекающий шею пациента. Илья молча кивнул. Медсестра пулей вылетела в коридор, дважды провернув ключ в тяжелом замке.

Оставшись один, Илья перевел взгляд со снегопада на стену. Гладкую, безупречно ровную стену палаты, покрытую бледно-зеленой масляной краской.

Он знал, что спас этот город от участи стать вратами для Бездны. Он сломал ключ. Но теперь он знал и другое: единожды заглянув за Порог, ты оставляешь там часть себя.

Илья прищурился. Прямо на уровне его глаз бледно-зеленая масляная краска едва заметно, на пару миллиметров, пошла мелкими пузырями. Крошечная, размером с бисеринку, капля вязкой янтарной жидкости выдавилась из микроскопической трещины в штукатурке.

В стерильном воздухе палаты неуловимо потянуло запахом озона и старой меди. А откуда-то из глубины бетонных перекрытий, перекрывая вой сибирского ветра, донесся тихий, ритмичный, влажный звук.

Кто-то плакал. И ждал.

Падь Кандальная

Конец сентября в Забайкалье — особенное время, налитое душком тревоги. Как только первые заморозки ударят по сопкам, деревни пустеют, мужики уходят в кедрач на выкол. Пропадают там недели по две, а то и дольше, живут в стылых балаганах.

Бабы собирают их основательно, но как-то слишком молчаливо. Они пакут в рюкзаки крупу, сало, патроны да спички, а сами то и дело зыркают в сторону темной полосы леса на горизонте. Прячут глаза и крестят вслед. Всегда переживают. Тайга — она ведь не совхозное поле. Она живая, древняя, и кто в нее вошел — еще не факт, что обратно выйдет.

Бить кедру — каторжная, изнуряющая работа. Колот, похожий на огромную деревянную киянку пуда на полтора, оттягивает руки так, что к вечеру пальцы не сгибаются.

Бьешь по стволу со всего маху, дерево гудит, и сверху с глухим стуком сыплется коричневое золото — кедровая шишка. Этим в Забайкалье и живут: сдали перекупам, купили муки, бензина, зиму пережили. В тот год ореха в доступной тайге почти не было, пустошь.

Потому Саня уговорил деда Елизара, строгого семейского из краснотойских стариков, и проводника Илью сунуться в Кандальную падь.

Местные в пади орех не брали, по словам стариков, место это дурное. Там еще при царе золотые прииски были, потом каторга для декабристов. А в тридцатые годы лагпункт работал.

Дед Елизар туда идти не хотел, двуперстно крестился, тербил бороду и повторял: «Земля там, Сашка, тяжелая. Не Божья. Скверной политая».

Но Сане край были деньги нужны. По суду надо было отдавать долг за угнанный разбитый УАЗик. Добралась на ГАЗ-66 по старой, заросшей лежневке.

С первого взгляда стало понятно, что тайга в Кандальной жуткая. Кедрч стоял исполинский, стволы в три обхвата. Сквозь темную, почти черную хвою с усилием пробивался зеленый, болотный свет.

Зато шишки море, ступить некуда, ковром лежат. К вечеру второго дня мужики набрали тридцать мешков.

Саня махал колотом, ошалевший от жадности, Илья сгребал шишку в мешки, а дед Елизар из последних сил крутил ручную шелушилку.

Саня подошел к огромному, узловатому кедру. Размахнулся колотом и ударил в ствол.

БУХ. Сверху посыпался орех. Но звук удара не утих в ветвях. Он ушел вниз, под землю. И через секунду из-под толстого слоя перегноя и хвои пришел ответный стук.

Тук. Глухой, металлический. Будто под землей кто-то ударил кайлом в камень.

Саня замер, отирая пот.

— Илюх, слышал?

Эвенк не ответил. Он стоял на коленях у мешков, замерев, как гончая. Узкие глаза смотрели в землю.

— Не бей больше, — тихо сказал Илья. — Корни сердятся.

— Какие корни, ты чего? Пустоты карстовые, эхо гуляет, — Саня снова поднял колот и с силой впечатал его в ствол.

БУХ

Секунда тишины. И снизу: КЛАНГ. КЛАНГ. КЛАНГ. Звук был отчетливый. Железо бьет по породе. И не в одном месте, а сразу с трех сторон, прямо под их ногами.

Дед Елизар бросил шелушилку. Лицо его под окладистой бородой посерело. Он вытащил из-за пазухи медный литой крест на кожаном гайтане.

— Бросай струмент, Сашка. В лагерь ходу. Живо!

Ночевали в балагане — навесе из жердей и тента. Костер разожгли жаркий. Елизар сидел отдельно, пил чай со своей посуды — чужакам семейские не дают, грех.

— Я ж говорил тебе, малец, — бормотал дед. — Здесь кедрач не на земле растет. Он на костях стоит. Декабристы, поляки, уголовные, политические... Сколько их в шахтах этих сгнило. Без отпевания, без савана. В породу закатаны. Деревья их кровью, их желчью питаются. Оттого и орех здесь такой крупный. Саня отмахнулся, нервно закуривая.

— Дед, кончай жути гнать. Завтра добьем норму, загрузим шишигу и ходу.

Ночью Саня проснулся от холода. Костер прогорел до углей. Тайга вокруг была абсолютно, неестественно тихой. Ни уханья совы, ни треска веток. Зато снизу, из-под земли, доносился ритмичный синхронный звук.

Шурх-дзынь... Шурх-дзынь...

Так звучит кандалный шаг, когда сотня закованных в железо ног одновременно шагает по каменному штреку.

Саня толкнул Илью.

Ильи на месте не оказалось. Спальник был пуст.

— Дед! — Саня дернул Елизара.

Старовер сидел с закрытыми глазами и шепотом, без остановки читал Псалом 90-й, «Живый в помощи». Саня выскочил из балагана, схватив фонарик и карабин. Луч скользнул по стволам исполинских кедров.

В свете фонаря тайга изменилась. Корни деревьев, выпирающие из земли, извивались, как толстые змеи. Земля вокруг них рыхлилась, осыпаясь в черные провалы. Возле кучи набитых шишками мешков кто-то копошился.

— Илья! Какого хера ты там... Луч выхватил фигуру Илью. Он сидел на корточках, раскачиваясь из стороны в сторону. Он был по локоть в земле. Саня подошел ближе, и его обдало таким запахом гнили, аммиака и застоялой шахтной воды, что к горлу подкатила тошнота.

— Илюха... — Саня коснулся плеча проводника.

Илья повернулся. Глаза его были белыми, закатившимися. Из рта текла черная земля вперемешку с хвоей.

— Земля кушать хочет, — произнес Илья не своим, надтреснутым, сиплым голосом. — Сто лет ковыряли. Больно. Теперь мы кушать будем. Тут Саня увидел, что держал Илья.

Это был не корень. Проводник сжимал в руках почерневшую от времени кость предплечья, на которой болталось проржавевшее кольцо кандалов. Кость уходила глубоко в землю, прямо под корни кедра, и пульсировала, словно живая. Земля под ногами Сани вдруг мелко задрожала.

КЛАНГ. Удар пришелся снизу. Почва под мешками с орехами просела, обнажая старый, обвалившийся вентиляционный штрек рудника. Из черного зева дыхнуло смертным холодом. То, что полезло оттуда, не было призраками. Это были корни кедров, сплетенные с человеческими останками.

Почерневшие скелеты, вросшие в древесину, обмотанные ржавыми цепями. Каторжане, ставшие частью леса. Они не тянули руки — они тянули гибкие, покрытые корой плети с обломанными кайлами и кирками, вросшими в костяшки пальцев.

Один из таких корней-хлыстов метнулся к мешкам, вспорол мешковину. Крупные, жирные кедровые шишки посыпались в провал. Земля забирала свой урожай обратно.

— Бросай всё, Ирод! — крик деда Елизара перекрыл скрежет железа.

Старовер стоял у старенькой шишиги, двигатель которой натужно кряхтел, дед успел завести ее кривым стартером. В одной руке Елизар сжимал тяжелый топор, а в другой горящую головню. Корень с ржавым кольцом на конце хлестнул Илью по ногам, обвился вокруг лодыжки и рванул вниз. Он даже не вскрикнул, только утробно хрюкнул, когда его наполовину утащило в черную дыру. Саня, действуя на инстинктах, вскинул карабин и выстрелил прямо в переплетение корней и костей. Пуля с визгом срикошетила от ржавых кандалов.

— Руби! — заорал Елизар, швыряя Сане топор.

Саня, что есть силы, отшвырнул бесполезный карабин, поймал обеими руками топор и со всего маху ударил по корню. Из разруба брызнул не сок, а густая, черная, воняющая дегтем кровь. Хватка ослабла, и Саня, теряя кирзачи, поволок Илью из провала. Они закинули беспмятного проводника в кузов. Елизар рванул с места так, что «шишига» взревела, ломая подлесок.

В зеркало заднего вида Саня видел, как земля на поляне вздыбается. Огромные кедры раскачивались, хотя ветра не было, а их ветви лязгали друг о друга не деревом, а тяжелым, казенным железом.

В деревню вернулись седыми. Илья онемел, месяц пролежал в горячке, а как встал — ушел в тайгу, на север, к своим, и больше его никто не видел. Долг Саня так и не отдал — пришлось продать дом и уехать на вахты, подальше от леса, на голый северный песок.

А дед Елизар с тех пор перестал есть кедровые орехи. Говорит, когда их щелкаешь, вкус во рту появляется странный. Не смоляной. Кровавый. И отдает ржавчиной.

Два Саши

Посреди избы третий день стоял черный бархатный гроб. От него по выстуженному, нетопленному дому расползлся тяжелый, приторный запах мертвечины, сдобренный жженой богородской травой и дешевым воском. Эту вонь не мог выветрить даже крепкий забайкальский мороз, сочащийся сквозь щели в окнах.

Аня сидела у гроба, не отрывая взгляда от лица мужа, накрытого марлей. Хоронить приходилось то, что собрали после аварии с лесовозом, раздавившим кабину старенькой легковушки.

Родня мужа наконец-то вымелась. По обычаю в первую ночь дом оставляли пустым, поэтому захмелевшая толпа с облегчением потянулась к дверям. Когда за последним шелкнула задвижка, на Аню бетонной плитой обрушилась тишина.

Горе выжгло все слезы, оставив внутри лишь звенящую, сосущую пустоту. В полумраке дрожащей свечи она подошла к гробу и откинула марлю, рассматривая почерневшие швы на чужом, мертвом лице.

— Не уходи, — прошептала она в мертвую тишину. — Забери меня. Или сам вернись.

Нарушая все запреты навязанных старыми бурятками поверий, она наклонилась и поцеловала мертвеца в ледяные, сшитые суровой ниткой губы. Одна горячая слеза сорвалась с её ресниц и упала в провал его щеки. Пламя свечи дернулось и погасло.

В наступившей абсолютной темноте Ане показалось, что воздух в комнате стал густым, как кисель. Что-то изменилось. Пространство дрогнуло. Из угла, где сгустился мрак, донесся влажный, чавкающий звук, словно мертвая кожа мгновенно впитала её слезу без остатка.

Стук раздался за полночь. Сначала тихий, царапающий — по стеклу. Потом уверенный — в тяжелую деревянную дверь сеней. Аня не помнила, как откинула засов.

На пороге стоял Саша. Живой. В своем любимом свитере. Только снег на его плечах не таял. Она бросилась к нему на шею, не замечая, что его тело было твердым и холодным, как замороженное дерево. Разум, измученный горем, с радостью рухнул в спасительное безумие. Она не обращала внимания на то, что от «Саши» не пахнет одеколоном — от него несло озоном, глубокой торфяной гнилью и чем-то древним, чему не было названия.

— Замерз, Господи, как же ты замерз, — забормотала Аня, втягивая его в избу.

Саша переступил порог тяжело, будто ноги его были набиты сырым песком. Он не ответил. Молча прошел к кухонному столу, отодвинул табурет и сел, положив ладони на клеенку. Движения его были плавными, но какими-то заученными, нечеловеческими.

Аня суетилась у печи. Спички ломались в трясущихся пальцах.

— Сейчас, сейчас чайник поставлю. Растоплю.

Чиркнула спичка. Вспыхнул огонек. Аня зажгла керосиновую лампу над столом и обернулась к мужу, счастливо улыбаясь. Свет выхватил из полумрака Сашу. Того самого. До аварии. С целым, не раздробленным черепом, с чистой кожей. Он сидел неподвижно и смотрел прямо перед собой.

И тут взгляд Ани скользнул мимо его плеча. В центр комнаты.

Там, на двух табуретах, по-прежнему стоял черный бархатный гроб.

Сердце Ани пропустило удар. Ноги сами сделали шаг к гробу. Марля была откинута. На белой подушке лежало то, что привезли из морга. Раздавленное лицо. Синюшная кожа. Черные, грубые стежки, стягивающие разорванные щеки. Мертвый Саша никуда не исчез.

Аня медленно, словно во сне, повернула голову к столу. За столом сидел Саша.

Два Саши. Один — гниющее мясо. Другой — тот, кто пришел из темноты на ее слезу.

Вспомнились слова старой шаманки Долгор, сказанные на похоронах деда много лет назад:

«Не плачь на мертвого. Слеза — прореха в Нижний мир. Эрлик-хан почует, пришлет пустую тень. Тень выпьет твою тоску и останется».

Тень сидела за столом. Аня видела, как свет керосиновой лампы проходит сквозь края Сашиного свитера, словно он был соткан из плотного, серого тумана. Он был иллюзией. Онгоном — пустым сосудом духа, который отчаянно пытался зацепиться за этот мир.

Саша за столом медленно повернул к ней голову. Его губы не шевелились, но в голове Ани раздался голос. Глухой, как из-под толщи воды, но такой родной.

— Аня. Здесь сквозняк. Меня сдувает. Я слишком легкий.

Аня замотала головой, отступая к гробу.

— Я... я тебя покормлю. Хлеб, мясо...

— Еда для живых. Мне нужен вес, Аня. Мне нужна плоть, чтобы остаться. Иначе я растворяюсь к утру.

Существо посмотрело на гроб.

— Ему они больше не нужны. Он все равно сгниет в земле. А я останусь с тобой. Дай мне его глаза, Аня. Мне нечем на тебя смотреть.

Только сейчас Аня поняла, что у существа за столом под надбровными дугами колыхнется абсолютно черная пустота.

Ужас, первобытный, ледяной ужас сковал ее, но безумие оказалось сильнее. Разум заботливо прошептал: «Зато он будет рядом. Настоящий. Целый. Просто помоги ему».

Аня подошла к комоду. Открыла верхний ящик. Достала маленькие, острые ножницы, которыми всегда распарывала швы.

В доме стояла мертвая тишина, прерываемая лишь гудением ветра в трубе. Никто не ломился в окна. Никто не выл. Настоящий ад творился в полной тишине.

Аня склонилась над гробом. Запах формалина и тления ударил в ноздри, но она не зажмурилась. Холодные пальцы коснулись мертвого лица. Чик-чик. Ножницы перекусили суровую нитку, стягивающую веки трупа.

Ей пришлось использовать столовую ложку. Она старалась не смотреть в то, что осталось в глазницах.

Сжимая в трясущихся, скользких ладонях свой страшный дар, она подошла к столу. Существо в свитере подняло к ней лицо. Аня протянула руки.

Тень не стала брать их пальцами. Лицо существа вдруг подалось вперед, и глаза просто втянулись в серую дымку, как капли воды впитываются в сухую губку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.